

ПЕСЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

Михаил Михайлов.

Полистайте подшивки центральных газет и журналов, военную прессу времени афганской войны. Пространные очерки о героях-интернационалистах, где ни слова описания их подвигов; оды мирному строительству в ДРА и лишь вскользь в победно-восторженных тонах о боевых действиях, причем, большей частью о доблестной армии афганцев. Даже в многотиражных газетах дивизий, воевавших на афганской земле, бои наших подразделений в публикациях проходили как «учения», потери – как «внештатная ситуация по вводной вышестоящего командования». Почти не было книг, фильмов, спектаклей, а увидевшие свет просеивались сквозь идеологическое сито в мелкую сеточку. Да что там говорить о художественном проникновении в действительность необъявленной войны, когда даже хоронили наших бойцов и командиров на кладбищах подальше друг от друга и без указания места гибели. По распоряжению из Кремля. Зачем нагнетать нежелательные эмоции?

И все же летопись афганского похода Ограниченного контингента советских войск писалась. С самого первого и до последнего дня. Она растворена в тысячах песен офицеров и солдат, воевавших в Афганистане.

Лето 1979 года. Жизнь спецподразделений госбезопасности и в мирное-то время скучной не могла быть по определению, а тут вдруг высаживают с самолета бороться за народное счастье в самую настоящую революцию, да еще в средневековую экзотику зарубежного Востока. Чувства переполняли, душа требовала песни, и не какой-нибудь, а своей, обо всем этом трудном и все же радостном.

Первые песни интернационалистов на афганской земле написаны бойцами отряда КГБ «Зенит» за несколько месяцев до ввода Ограниченного контингента советских войск. Песни эти, пропитанные оптимизмом, верой в себя и друзей, разглашали не только совсекретные цели отряда, но и технологию их осуществления. Попади в руки «цэрэушников» почти любая из них, и можно вести речь об экспорте революции. Запрет таких песнопений выглядит вполне логичным.

«В декабре зимы начало» - написанная «зенитовцем» старшим лейтенантом Сергеем Климовым в первые же сутки официального пребывания наших войск в Афганистане отличается от первых сочинений принципиально. В ней - переживания оторванности от дома и весть о первых потерях, да и боевое братство не зовет к лихим приключениям, но как бы предвосхищает долгий и трудный военный путь.

В декабре есть еще одна дата

Без отметки на календаре:

Я тебя целую, как брата,

На кабульском чужом дворе...

Первый тост за ушедших навечно.

Тост второй – за живых ребят!

Песня стала известной благодаря музыке и исполнению Юрия Кирсанова в его песенной композиции на самой популярной афганской кассете. Юрий – тоже офицер госбезопасности, прибывший «за речку» уже в августе 1980 года. За это небольшое время афганская песня получила мощное развитие и распространение в Ограниченном контингенте. В Афганистане примерно в это же время находились Виктор Верстаков и Валерий Петряев, песни которых также стали классикой жанра. Это лишь видимые вершины, на самом деле песни уже сочиняли десятки военных бардов. К сожалению, не все имена стали нам известны...

Юрий Кирсанов, собирая эти сочинения и исполняя свои песни, в своем полевом аудиоспектакле уже обобщил целый период.

Творческий костер разгорался, охватывая все рода войск и советские части, практически все категории военнослужащих, воюющие на афганской земле. Действительность была богаче любого вымысла, детали, подробности – обжигали: поэтому и выписывались ситуации почти с документальной точностью, с реальными героями, местами действий, приметам времени. По песням можно было даже составить представление об особенностях боевых действий «за южными рубежами нашей Родины». Сказывалось и то, что искусством художественных обобщений подавляющее большинство солдат и офицеров 40-й армии, надо признать, владело слабо.

«Своим песням» симпатизировали все. От рядового до командарма. Их любили и те, кому по должности предписывалось принимать меры по недопущению окопного искусства. С их словами шли в бой и возвращались на Родину, в песнях этих все еще жили погибшие товарищи и их геройство, окопный, грубоватый порой юмор, который поддерживал, заставлял улыбнуться, когда на сердце положит лапу зеленая тоска. Авторы-исполнители служили в десанте, пехоте, погранвойсках, были спецназовцами и вертолетчиками, автомобилистами и тыловиками, медиками и переводчиками, советниками и журналистами, солдатами, прапорщиками и офицерами – сотни имен.

Ни таможня, ни строгие запретительные инструкции были не в состоянии удержать мощную творческую лавину Ограниченного контингента, она, без всякого разрешения широко распространялась уже и в Афганистане, и в Советском Союзе. Море перехлестывало через плотину, и было немало тех, кто понимал несуразность создавшейся ситуации и помогал эту плотину поднять на воздух. Двух же людей, кто непосредственно вывел на свет афганскую песню, не назвать здесь нельзя. Это Петр Ткаченко, литературный критик, исследователь афганской песни, собравший и «пробивший» самый первый сборник песен воинов-интернационалистов «Когда поют солдаты». Он вышел в свет в

издательстве «Молодая гвардия» в 1987 году и выдержал четыре переиздания. И Игорь Азаренок, яркий неумный офицер из политуправления Туркестанского военного округа (в ТуркВО входила и воюющая в Афганистане 40-я армия). Он стал организатором первых фестивалей афганской песни и серии виниловых пластинок на фирме «Мелодия» - четыре первых сборника песен бардов-афганцев «Время выбрало нас». Он же и оформлял их, участвовал в аранжировке и составлении сопровождающих текстов. Пластинки разошлись по стране и были продолжены чередой сольных альбомов авторов-исполнителей войны «за южными рубежами». Практически И.А. Азаренок выводил афганскую песню из подполья на всесоюзные подмостки.

Мало кто помнит, но в том же 1987 году Главное политическое управление СА и ВМФ организовало творческий праздник с забавным названием «Фестиваль народного творчества Советской Армии и Военно-морского Флота». Действо проходило в Москве, в Театре Советской Армии, вел его заместитель начальника ГлавПУРа, генерал-полковник Д. Волкогонов. Мне тоже посчастливилось войти в немногочисленную творческую группу, как автору двух песен, написанных специально для этой поездки. Афганский блок, собранный все тем же Игорем Азаренком непосредственно «за речкой», куда вошли ВИА «Каскад» и «Голубые береты», заканчивал празднество.

Это стало своеобразным прологом к фестивалям афганцев. ГлавПУР доказывал способность к обновлению, поддерживая с этих пор афганскую песню. Правда, она стала для этой структуры лебединой.

Отдадим должное и политуправлению ТуркВо, которое положило начало песенному движению афганцев. Фестивали, перекрестки наших дорог. Это места, где мы узнавали друг друга по песням, находили самых заветных друзей, единомышленников, с которыми идем по жизни уже не первое десятилетие.

Первый Всесоюзный - в Ашхабаде, 1987 год: Виктор Верстаков, Виктор Павлович Куценко, Петр Ткаченко, Валерий Петряев, Юрий Слатов, Геннадий Костюк, «Голубые беретты», «Каскад»...

Ташкент, 1988 год, последний фестиваль, куда многие участники приезжали непосредственно из Афганистана: Юрий Кирсанов, Александр Минаев, Дмитрий Еремин, Александр Карпенко, Валерий Горбачев, Дмитрий Панарет...

Ныне здравствующая история афганской песни.

После вывода советских войск из Афганистана многим казалось, что эта страница биографии страны уже принадлежит истории, как и песенное искусство русских афганцев. Но в стране поднялась крутая волна интереса к новому поколению участников войны. Этот интерес и был главной движущей силой развития афганского фестивального движения. Характерна история фестиваля в Стерлитамаке, который на полтора десятилетия стал самой стабильной всесоюзной сценой афганцев.

На первый фестиваль солдатской песни с участием бардов-афганцев (1987 год) жители этого башкирского промышленного города собирали вкладчину. Второй фестиваль был Всесоюзным и афганским. Вскоре Стерлитамак, о нем мы большей частью знали по пищевой соде, что имеется в наличии на каждой российской кухне, - становится столицей афганской песни. На всех фестивальных концертах залы переполнены, в участниках – все ведущие афганские вокально-инструментальные группы и авторы-исполнители со всего пространства СНГ. Начались были разговоры о перенесении столь разившегося песенного праздника в Уфу, титульный город Башкортостана, отказались сами афганцы.

Среди главных организаторов – постоянная ведущая фестивальных концертных программ Наталья Рожанова, жена пограничника-афганца Валерия Рожанова. Она нашла рычаги и добилась-таки откомандирования действующих офицеров - бардов-афганцев для долговременных концертных поездок по Приднестровью, Абхазии, Таджикистану, сама раздобыла средства на длительные командировки. О гонорах, понятно, речи не шло.

В Приднестровье впервые душу обожгли траншеи и колючая проволока на возвышенностях между типовыми девятиэтажками, следы арналетов, диверсий в обычных европейских городах, таких похожих на российские, целые кладбища свежих могил совсем молодых ребят, некоторые из них были младше самых младших афганцев. А руины, напоминающие снимки городов после штурма в Великую Отечественную... И все это на земле, которая совсем недавно была землей родной страны.

Иностранные советники, банды террористов, ужасы пыток и массовых казней, спортсменки-наемницы со снайперскими винтовками, зарабатывающие на чужой крови, досрочно освобожденные уголовники, становящиеся в воинский строй... В Приднестровье отрабатывались те технологии современных гражданских войн, которые потом расползлись по всему постсоветскому пространству.

«Гастролями» в «горячие точки» и места повышенной напряженности ездили, понятное дело, не только наша группа. Это тогдашний образ жизни большей части поющей русской Афгани.

Виктор Верстаков возглавил Военно-художественную студию писателей. Там же трудился и Петр Ткаченко. В это время в студии и вокруг нее собрались лучшие силы военных авторов-исполнителей, поэтов, прозаиков, многие из которых были афганцами. Книжки, концерты, литературная учеба, незабываемые вечера офицерского романа в Центральном доме литераторов, на сцене Центрального Дома Российской армии, фестивали афганской песни с участием студийцев задавали направление развития афганской темы и поднимали планку художественного уровня. Именно в ту пору целый ряд поэтов -песенников, вышедших из пламени Афганистана, вступил в Союз писателей России: Игорь Морозов, Марианна Захарова, Виктор Куценко, Вадим Дулепов...

Появились творческие группы и ансамбли, которые афганской темой стали зарабатывать на хлеб насущный, сделав ее главным источником своих доходов: концертное обеспечение военно-патриотических мероприятий, афганских сборов, дней памяти,

сопровождение гуманитарных грузов в «горячие точки», обеспечение выборов. Военная авторская песня превращалась в профессию.

С другой стороны, проявились и следы вырождения жанра: телевизионные фестивали, да и столичные мероприятия в традиционные декабрьские (ввод) и февральские (вывод) дни в Колонном зале Дома Союзов и Кремлевском Дворце Съездов с выступлениями попзвезд, «пересыпанные» для темы афганцами, все больше напоминали шоу. И все больше поющих афганцев первой обоймы от таких концертов отказывались.

Вот-вот, казалось, настоящая афганская песня затихнет. Но ее с новой силой подхватывали в разгоравшихся по всей России и за ее пределами вооруженных локальных конфликтах. Она, написанная старшими «братьями по боли», на войне попадала в свою естественную среду обитания. И афганцы частенько встречались со своими сочинениями в свежевырытых окопах Аргунского ущелья, в Таджикистане, Абхазии, в Грозном, под Ботлихом... И вместе с тем слышали и сами писали уже другие песни о новой войне...

***«МЫ ВЕДЬ С ВАМИ, СТРУНЫ,
СЛУЖИМ ЗДЕСЬ, В ШИНДАНДЕ...»***

***Он горланит с нами вместе,
Речь его не стелет бархат.
Патриарх афганской песни
Не похож на патриарха.***

***В книжке рядом наши вирши,
Только там он в черной рамке.***

***Так бывает: был погибшим,
А теперь вот ест таранку.***

Шел 1988 год. В Ташкент, на Всесоюзный фестиваль афганской песни, я прибыл в командировку из Шинданда, уездного городка провинции Герат. Вернее, из-под Шинданда, где дислоцировался в ту пору штаб 5-й гвардейской мотострелковой дивизии, рядом с которой и расположилась редакция нашей дивизионной многотиражки.

Во время прогона концертной программы на моей гитаре лопнула третья струна, и, помнится, эта рабочая в нормальной жизни ситуация в тот момент поставила в тупик: запаски ни у меня, ни у тех ребят, кто был рядом, не оказалось. В гостиничном комплексе без особой надежды спросил у шедшего навстречу невысокого коренастого короткостриженного незнакомца лет сорока:

- У вас случайно нет третьей струны для шестиструнки?

Вопрос звучал нелепо: мало ли народа обитает в одной из центральных гостиниц многомиллионного Ташкента. Но незнакомец улыбчиво и обстоятельно разъяснил, мол, запасная третья струна имеется, правда, всего лишь одна, однако он ею готов поделиться, а если у него самого, не дай бог, порвется, то нам придется как-то обходиться одной струной на двоих...

В это время в коридор, высланный ковровой дорожкой, откуда-то вырулил Игорь Азаренок. Он сразу же утопил нас в восторженных восклицаниях:

- Миша, ты знаешь, кто это?! Это же Юрий Кирсанов! Тот самый Кирсанов! Патриарх афганской песни!

«Тот самый» явно смутился «патриархом» и попытался было откреститься от почетных названий. Пройдут многие годы, но спокойный доброжелательный Юрий, с интонациями врача в голосе, почему-то столь характерными для старших офицеров

спецподразделений КГБ, так и не привыкнет к громкой роли отца-основателя жанра, пробудившего в сражающейся армии стихию бардового творчества и на десятилетия ставшего заметным явлением в отечественной культуре.

В тот же ташкентский вечер мы втроем – Игорь Азаренок любил мозговые штурмы – думали над содержанием будущего диска-гиганта Юрия Кирсанова «Без отметки на календаре». Юрий достал свой заветный старенький блокнот, мелко исписанный стихами песен, видимо, старался, чтобы разворот умещал текст целиком – не переворачивая листок во время исполнения, удобней петь,- и «перелистывал» песенник под гитару.

Немногим позже я наткнулся на сборник песен воинов-интернационалистов, выпущенных в свет политуправлением ТуркВО, где впервые опубликовали тексты моих шиндандских песен – имя и фамилия Юрия Кирсанова были обведены в сборнике траурной рамкой. «Гибель» легендарного барда, по словам Виктора Верстакова, писателя, классика афганской песни, была растиражирована им в «Правде» - в то время она была главной газетой страны. Автор ссылался на свидетельства вертолетчика, перевозившего Кирсанова незадолго до «смерти». Петр Ткаченко, литературовед, первым, еще в 1986 году, собравший и выпустивший в свет книжку с текстами песен афганцев, тоже винился, мол, это именно он собственноручно «угробил» Юру в предисловии к книжке «Когда поют солдаты».

Почетная первая часть первой пластинки, открывающая всю серию «Время выбрало нас», была отдана песням родоначальника жанра. Но по причине «безвременной утраты» Кирсанова, на диск попали отреставрированные записи с магнитной ленты компакткассеты. Всех остальных авторов цикла из четырех пластинок не без приключений разыскали по всему Советскому Союзу, в Афганистане и собрали на студии грамзаписи в Москве и на ташкентском филиале фирмы «Мелодия». Чтобы звук соответствовал уровню тогдашней передовой техники.

«Вернула к жизни» Кирсанова публикация в «Собеседнике». Журналист разыскал известного барда-афганца в его родном Мариуполе. Вслед за ним мотнулся к Юрию и Виктор Верстаков, чтобы убедиться в подлинности обросшего легендами «каскадера» лично.

Так или иначе, но пластинка «Без отметки на календаре» стала первым и, к сожалению, единственным альбомом «воскресшего» Юрия Кирсанова. О грустном несоответствии популярности его песен и тиражей аудионосителей мы еще поговорим, сейчас же вернемся в ташкентскую гостиницу, где только подбирались песни для пластинки.

Для меня это было удивительное открытие. Минимум две из каждых трех песен знал наизусть. Слышал их еще до своего Афганистана, разъезжая военным корреспондентом по ТуркВО – тогда своеобразной прифронтовой зоне. Кассеты с песнями воюющих солдат и офицеров в то время через границу перевозили контрабандно. И хоть голос на такой кассете порою едва шелестел – запись запросто могла быть какой-нибудь сотой копией, – тем дороже становились с трудом добравшиеся до Родины слова воюющих ребят. Скверное качество записи во многом объясняет литературные несуразницы и отсутствие рифмы в перепевках. Смысл сквозь помехи ловился с трудом, а петь пропахшие порохом песни хотелось.

С песнями Юрия Кирсанова жили, воевали и умирали солдаты и офицеры 40-й армии. Ведь их слова несли иногда наивную и все же такую необходимую чистоту души и веру, с какими отправлялись исполнять интернациональный долг первые русские афганцы. Настроения, ситуации, подробности походного уклада жизни советских подразделений на афганской земле в гитарной поэзии Кирсанова были не просто узнаваемыми – родными.

Видимо, поэтому песни Юрия Кирсанова прошли сквозь все долгие годы войны, их не заглушил семилетний андеграунд, они с достоинством пережили волну бума афганского «фольклора» конца 80-х начала 90-х годов, и сейчас, уже в качестве классики военной

авторской песни вошли в золотой фонд самых популярных песен, рожденных в Афганистане. Их считают своими российские миротворцы, сдерживающие военный конфликт между абхазами и грузинами, те, участвовал в боестолкновениях с бандами наркокурьеров в Таджикистане, кто противостоял экспансии террористов в Дагестане, их переписывают в Чечне уже под свою войну и географию. Одним из примеров – Гудермесский вариант знаменитой кирсановской «Вспомним, товарищ!».

Кабульское командование оценивало творчество Юрия Кирсанова несколько иначе. В целях воспитания (?) офицера наградили вместо ордена Красной Звезды, который он заслужил, доблестно выполняя сложнейшие боевые задачи, медалью «За боевые заслуги» - переписали наградной лист, чтоб неповадно было раскрывать в песнях «военные тайны»: чем живет и как воюет отряд КГБ «Каскад».

Примечательно и то, что в кирсановских песнях на протяжении всей их жизни профессиональные литераторы пытались поправить литературные огрехи, приспособить их под требования политического момента: сначала из них вытравливали некоторые детали, связанные с жесткой правдой афганской войны, потом убрали слова «партия», «товарищ» - а они до сих пор естественно обитают почти в первоизданном своем виде. Приемля только уточнения армады окопных исполнителей.

Кирсанов, как и большинство «зареченских» классиков – потомственный офицер. Отец его, отпахавший в пехоте Великую Отечественную войну, дослужился до полковничьих погон. Юрий тоже ушел в запас полковником. Конечно же, военная среда, окружающая с раннего детства, идеалы служения Родине, формировали мироощущение мальчишки.

Во время молодости Юры в моду вошли вокально-инструментальные ансамбли. И парень, будучи студентом Донецкого политехнического института, а потом в армейской самодеятельности немало потрудился на этой ниве. Креп голос, владение гитарой, сочинялись первые авторские песни. Однако,

учился Кирсанов, по его собственному признанию, прежде всего у песенников Великой Отечественной и у поэтов-фронтовиков. Уже в Афганистане они же иногда становились и заочными соавторами Кирсанова, когда он перекраивал любимые стихотворения под бытность афганской войны. Как тут не вспомнить кирсановскую «Кукушку»: она не только дала стихотворному оригиналу Виктора Кочеткова «Весь просвечен заревой покой» вторую жизнь, но сделала его одним из самых известных лирических произведений афганской эпопеи.

Часто снится мне мой дом родной.

Лес о чем-то о своем мечтает.

Серая кукушка за рекой,

Сколько жить осталось мне считает...

... Я тоскую по родной стране,

По ее расцветам и закатам.

На афганской выжженной земле

Спят тревожно русские солдаты...

...Так что ты, кукушка, погоди

Мне дарить чужую долю чью-то.

У солдата вечность впереди,

Ты ее со старостью не путай.

Для нескольких поколений наших воинов эти слова стали одновременно и клятвой, и молитвой. К слову, сам Кочетков «афганским» вариантом текста очень гордился и лично выражал Кирсанову горячую признательность.

Были у Юрия предшественники и в Афганистане. Такими он считает бардов из отряда КГБ «Зенит», появившегося «за речкой» за несколько месяцев до ввода советских войск. Немало «зенитовцев» впоследствии возглавило оперативно-боевые группы подразделения «Карпаты» отряда КГБ «Каскад», куда входил и Кирсанов. «Ветераны» делились не только боевым опытом, но и своими афганскими песнями. Позже некоторые из «зенитовцев» стали соавторами Юрия, в числе коих он называл Владимира Макарова и Сергея Смирнова. Владимир Поддубный и другие участники памятных событий 1979 года в Кабуле горячо песенников поддерживали, справедливо считая их продолжателями дела бардов «Зенита».

И все же только после расцвета творчества Юрия Кирсанова об афганской песне можно было говорить как о явлении.

С ташкентского фестиваля в родной Шинданд возвращался с особенным чувством, точно в столицу наших гитарных песнопений. И «про себя» очень гордился кирсановской третьей струной на моей гитаре. До сих пор я и мой друг Александр Минаев, с которым свела и сроднила афганская песня, с особым чувством выпеваем слова из широко известной «Зорьки» Кирсанова:

...И тоскуют струны

По студеным росам,

По девчонкам юным,

Золотоволосым.

Не грустите струны,

Струны, перестаньте,

Мы ведь с вами, струны,

Служим здесь, в Шинданде...

В 80-м году, когда в уезд прибыл капитан Кирсанов, там еще вовсю царствовала необустроенность, командование обрушивало множество срочных непростых задач. Что и говорить: служба

требовала стопроцентной отдачи, и лишь время, проведенное в карауле да мерное покачивание в десанте бронетранспортера в долгой дороге, как вспоминал Юрий, позволяли Пегасу расправлять крылья.

С другой стороны, именно такая напряженная, полная смертельной опасности жизнь, а главное – вера, что сражение идет за счастье людей, и раздували алые паруса творчества.

Отметим: после Афганистана, когда и со временем было полегче, и звукозаписывающей спецтехники навалом, Кирсанову так вдохновенно уже не писалось...

В Шиндане же «студию звукозаписи» бойцы отряда «Каскад» соорудили из банного вагончика. Все было очень серьезно. Несколько больших магнитофонов, с которыми управлялась группа технической поддержки. Юрий Кирсанов заранее писал подробный сценарий. Вместе с закадычным своим другом Сергеем Смирновым они собрали фонотеку звуков, которые наиболее характерно передавали атмосферу службы и жизни советских подразделений в Афганистане: звуки реального боя – автоматные очереди и восклицания между ними, шум винтов вертолета, вой шакалов... Все это несло яркую образную информацию, превращало песенные композиции в своеобразные спектакли. В «студийную» работу гармонично вписывалась и группа, скажем так, театрализованной поддержки: она восклицала, создавала «шуточный» колорит, подпевала там, где это требовалось.

Записывали ночи напролет. Вдохновенно.

На кассетах в результате складывалась целостная картина того, какими себя представляют русские афганцы на необъявленной войне.

Тут же заметим: в ту пору о проблемах авторства никто не задумывался. Творчество такого рода преследовалось, и единственным гонораром могла быть только серьезная взбучка от высокого начальства: свои родные командиры афганскую песню «прикрывали», чем нимало поспособствовали ее распространению.

Ну и Юрий Кирсанов пел сначала песни, которые были тогда на слуху, переделывая их под Афган, перекладывал на музыку тронувшие сердце стихи, и опять же их приспособлял под экзотические условия войны «за южными рубежами».

Лет семь назад музыкальный продюсер, афганец Сергей Жильцов пригласил Юрия Ивановича из Мариуполя в Москву. Для записи материала на сольный CD-альбом.

Помнится, уже с вокзала рядом появилась телекамера, везде, куда бы не направлялся Кирсанов, его сопровождали афганцы, а в одну из квартир собралось столько видных представителей афганской песни, что впору было проводить широкомасштабный фестиваль. Песня в этот вечер заняла почти все пространство общения: после него оказалось, что три десятка выдавших виды офицеров и солдат афганской поры выпили всего две бутылки водки...

А диск так и не вышел до сих пор. И денег-то надо совсем немного, однако что-то все не складывается. При такой популярности, казалось бы, поднеси только спичку и такой коммерческий фейерверк засверкает! Но будто сама природа противится тому, чтобы хоть как-то вмонтировать песенное творчество Юрия Кирсанова в современный музыкальный бизнес. Оно родилось вопреки запретам и доныне живет заветным негромко спетым словом в душах участников военных походов последних десятилетий. Без чьего-либо разрешения и финансирования.

«ГОРИТ ЗВЕЗДА НАД ГОРОДОМ КАБУЛОМ...»

Виктор Верстаков – единственный, кто пришел в афганскую песню сформировавшимся профессиональным поэтом. До Афганистана он опубликовал три поэтических книги. Хотя «пришел» - здесь глагол неточный, ведь прийти можно туда, где уже нечто создано или, по крайней мере, начало создаваться, а Верстаков появился в Афганистане в качестве военного корреспондента «Правды» за долгие месяцы до прибытия в

Шинданд Юрия Кирсанова, которого сам же и назвал родоначальником жанра.

Военный журналист оказался «за речкой» почти сразу же после ввода наших войск, был первым журналистом центральной печати, который прилетел в Кабул после декабрьского, 1979 года, штурма Дворца Амина и провозглашения Бабрака Кармаля главой Народно-Демократической партии Афганистана, а значит и главой всей страны.

Уверен, уже в то время душу Верстакова саднило противоречие между тем, что он видел на самом деле, и тем, о чем можно было написать. Нельзя было писать о штурме почти неприступного дворца, где находился Амин – руководитель афганского государства – советскими спецподразделениями, о геройстве, гибели и страданиях наших офицеров и солдат, особенно, если они из бойцов невидимого фронта...

Для публицистики, которой ждали от Верстакова в редакции «Правды», нашелся довольно пластичный выход: стараясь не касаться геополитических коллизий, сосредоточиться на другом, словами самого Виктора, «заинтересовался не ходом боев, а людьми – советскими и афганскими. О них писал, через них познавал войну».

Это было точное «проникающее» бытописание афганского похода. Крайне полезное для офицера. Сказалось образование – Виктор окончил Военную академию им. Ф. Дзержинского – и доскональное, изнутри, знание психологии человека в погонах, его семейного уклада – отец Виктора офицер, фронтовик. Многие из курсантов, кто собирался по окончании военного училища «за речку», по статьям и книгам «правдиста» учились понимать, что такое Афганистан. Среди опубликованного в ту пору о необъявленной войне документальной прозе Виктора Верстакова верилось больше всего.

И все же на полях дневников военного писателя оставалось то, что не давало спокойно жить, требовало другой степени честности, иного уровня осмысления, болью, кровью души своей.

Так появились афганские песни Виктора Верстакова.

*Горит звезда над городом Кабулом,
Горит звезда прощальная моя,
Как я хотел, чтоб Родина вздохнула,
Когда на снег упал в атаке я...
И я лежу, смотрю, как остывает
Над минаретом синяя звезда.
Кого-то помнят или забывают,
А нас и знать не будут никогда.
Без документов, без имен, без наций
Лежим вокруг сожженного дворца...*

*Еще на границе и дальше границы
Стоят в ожидании наши полки,
А там, на подходе к афганской столице,
Девятая рота примкнула штыки.
Девятая рота сдала партбилеты,
Из памяти вычеркнула имена, -
Ведь если затянется бой до рассвета,
То не было роты, приснилась она...*

*В королевских конюшнях
Метра нет для коня.
Медсестра раскладушку*

***Принесла для меня.
Очень трудно голубке
В коридорах, где сплошь
Встык обрубком к обрубку
Полегла молодежь...
В королевских конюшнях,
В госпитальном чаду,
В наркотичном, спиртушном,
Матерщинном бреду...***

Слова обжигают, точно спирт третьего тоста, в них за оголенной жестокостью войны открывается, обязательно открывается (!) небесный свет солдатской души.

***...Если чудо случится,
Если снова срастусь,
Дай свой адрес, сестрица, -
Может быть, пригожусь.
Ну, а коль не воскресну,
Все равно, хоть часок
Проживу, на чудесный
Поглядев адресок.***

И это в то время, когда с телеэкранов и газетных полос лилась розовая водица о революционных преобразованиях в Афганистане. Конечно же, песни Виктора Верстакова были по природе своей враждебны действительности, рисуемой в СМИ. Бдительные люди «сигнализировали» об офицере с гитарой и его неправильных песнях. Как тот замначальника Красногорского госпиталя по политчасти, которого озаботило, есть ли у Верстакова разрешение

на публичное исполнение «таких» песен. Об этом случае рассказал Вячеслав Огрызко, литературовед, исследователь песен афганского похода.

Уже в 1987 году, когда афганская песня вырывалась из душного подполья, на ашхабадском фестивале Виктор Верстаков, чтобы не подвести своего товарища Игоря Азаренка, организатора фестиваля, спрашивал, можно ли ему петь «без сокращений». Отметим, последовала короткая, хотя и о многом говорящая пауза, но все же времена менялись, последовало дружеское: «Пой! Пой все!»

Ашхабадской осенью мы и встретились с Верстаковым впервые. Помнится, подошел к нему, как к учителю, а он сразу же предложил перейти на «ты». С первых же слов был по-братски откровенен. Собирается ли в Афганистан? Главное, о чем можно было, уже написал, разве что свежим воздухом подышать...

Речь, понятно, о цензуре и о чистоте человеческих отношений.

Признаться, к тому времени осваивал гитару лишь несколько месяцев и собственно игрой мое музицирование назвать можно было с большой натяжкой. Все же, когда на концерте объявили мой выход, Виктор Верстаков, навесив свою гитару, буквально вытолкнул на сцену. Песню зал принял жарко, тогда всех принимали тепло и великодушно. В итоге прозвучавший «Разговор с бронетранспортером» был записан на пластинку, разлетелся по всей стране, Николай Губенко использовал его в своем спектакле «Афган», украдкой, без указания автора, Никита Джигурда проорал «под Высоцкого» в своем альбоме, даже враждебный «Голос Америки», лягнув мои «прорусские» песни, о «Бронетранспортере» отозвался благосклонно. Что особенно важно: его и сейчас поют в «горячих точках»...

В общем, Виктор в прямом и переносном смысле «дал толчок» моим песнопениям на сцене. К нему, надо сказать, тянулись многие барды и писатели-афганцы, что целый ряд лет помогало развитию афганской темы в литературе.

Там же, в Ашхабаде, я узнал: Верстаков – подлинный автор гулявшей по кассетам в Афганистане «Шуточной песни о советской печати». Она была столь популярна «за речкой», что я даже знал двух горе-«авторов», не удержавшихся от соблазна назвать ее своей. Виктор, рассмеявшись, признался: он таких «сочинителей» знает больше.

Тема – в десятку! Подгонка в наших СМИ афганской войны под теоретическую сладкую версию интернациональной помощи шла у всех на глазах и вызывала подчас горькую усмешку. Кому как не военному корреспонденту знать об ограничениях и дозволениях цензуры.

Правда, после Афганистана Верстаков пел ее уже с оговорками: мол, песенка действительно о советской печати и тех первых годах войны, когда афганские части шли в бой, как правило, во вторых эшелонах, а афганская армия образца конца восьмидесятых была вполне боеспособна и вызывала уважение... Нет-нет, и а сейчас среди афганцев слышишь:

...Пусть контингент и неплохой,

Но где ему сравниться

С афганской армией лихой,

Которой враг боится!

Она разбила тыщу банд,

Нет, миллион миллионов!

Почти очистила Шинданд

И два других района.

Сильна, отважна, велика,

Заслуженно известна!..

А мы тут пляшем гопака

И чиним трактор местный...

Сатирическую песню «Краткий курс новейшей истории Афганистана», многочисленные куплеты к которой добавлялись по ходу времени, до прошлого года можно было услышать лишь с аудиокассет; впервые ее полный текст опубликован в книге Верстакова «Прощай, Афганистан», вышедшую в 2004 году.

Помню, в дни вывода войск из Афганистана, в Кушке, куда возвращалась наша 5-я гвардейская дивизия, товарищ сказал, что меня разыскивает поселившийся в армейской гостинице Виктор Глебович из Москвы. Верстаков только-только вернулся из Шинданда. Мы пили чай из его стакана, выкурили его последнюю сигарету, да вдобавок, прощаясь, я перепутал бушлаты и набросил на себя его армейский ватник, на пяток размеров побольше. Представляю, каким теплым словом вспоминал меня «Глебыч», перелетая в Ташкент на холодном военно-транспортном самолете.

А говорили мы в Кушке о послевоенном времени. Я пел свои последние афганские песни, - строкой одной из них Виктор назвал главу «Афганского дневника» - «Потому что горел Восток», - потом я сказал, что, видимо, после Афгана ничего более интересного для военного журналиста не будет, так что погоны можно снимать. Он разубеждал. Знали бы мы, сидя в обшарпанном и все же безопасно-уютном гостиничном номере уже на родной земле, что и самой стране, в которую возвращались наши офицеры и солдаты, жить осталось немногим более двух лет, а вскоре по всей ее территории на десятилетия запольхают «горячие точки», так что офицерству лекарство от скуки уж точно искать не придется...

После Афганистана несколько лет полковник Верстаков, член Союза писателей СССР, возглавлял Военно-художественную студию писателей Министерства обороны. Верстаков всегда оставался прежде всего офицером и поэтом. В словах лаконичен и емок. В поступках прям и честен. В убеждениях тверд. Студию военных писателей, считай, разогнали, когда Виктор принял в ее состав попавшего в политическую опалу друга, писателя-афганца. Позже я

узнал: стоило только Верстакову пойти на поклон к закусившей удила чиновнице, которую ненадолго подсадила в высокое минобороновское кресло мутная волна новых времен, и все бы уладилось. Но Виктор предпочел уйти в запас.

Однако судьба офицера и поэта не во всем зависит от росчерка в приказе, пусть даже и в приказе министра обороны. Верстаков работал в «Литературной России», секретарствовал в Союзе писателей России, при этом продолжал плотно общаться с воюющей братией и в Москве, и выезжая с гитарой на плече в полыхающие гражданской войной регионы. Не раз Виктор бывал и в Чечне, где встречался со своими же афганскими песнями – они уже десятилетия живут своей жизнью. А их автор набирался горьких впечатлений для поэтического и песенного осмысления новой войны. В стихах стали проявляться православные начала.

***Помолись за Россию,
За всевечную ее правоту,
Лишь бы мы огней не гасили,
И звезде служба, и кресту.***

Потом была песня, посвященная шестой роте псковских десантников, вставшей на пути тысячной группировки боевиков, ее исполняет ансамбль имени Александрова...

А главный свой выбор Виктор Верстаков сделал, когда увидел декабрьскую кабульскую звезду глазами умирающего советского солдата. Был ли поэт уверен, что когда-нибудь он сможет открыто петь свои песни? Вряд ли. Но все равно с беспощадностью к себе оставался верен уже своей кабульской звезде и своему столь непростому пути русского офицера и поэта.

***«БАТАЛЬОННАЯ РАЗВЕДКА,
МЫ БЕЗ ДЕЛ СКУЧАЕМ РЕДКО»***

И все-таки самой популярной афганской песней остается «Батальонная разведка» Игоря Морозова или «Батальонка», как

по-свойски, с явной симпатией называют ее афганцы. Ею неизменно заканчиваются Всероссийские фестивали афганской песни, как некогда заканчивались Всесоюзные, она подытоживает гала-концерты на самых престижных площадках страны, звучит в качестве «народной» в теле - и радиоэфирах, за столом и у костра, на море и у реки... В Приднестровье и Грузии, в Таджикистане, Дагестане и Чечне... Если перед вами два афганца и у них есть гитара, считай, «Батальонную разведку» ты услышишь почти наверняка. Ее вдохновенно подхватывает и другой военный люд, даже иные «пиджаки» (люди вовсе невоенный).

Между тем, написал ее Игорь Морозов в марте 1975 года, когда об Афганистане никто еще и не помышлял, и речь в ней, конечно же, шла о Великой Отечественной. Да и в самой песне на это указывается впрямую: «языком» пленных называли фронтовики именно той войны. Игорь посвятил песню своему отцу Николаю Петровичу, который командовал ротой полковой разведки и столь преуспел в опасном ремесле, что в западноукраинском городке Дубна его именем назвали улицу. Кстати, она не переименована до сих пор.

В Афганистане, по словам самого Игоря Морозова, он спел «Батальонку» лишь раз, году в 82-м. Но был магнитофон и любительская кассета. Что «за речкой» надо было еще, чтобы растиражировать в тысячах экземплярах любимую песню, чтобы добралась она до самых дальних сторожевых застав и в конечном итоге была подхвачена всем «заречьем»! А несоответствие нескольких слов можно и не заметить, главное – песня пришла по душе.

***...Батальонная разведка,
Мы без дел скучаем редко,
Что ни день, то снова поиск, снова бой.
Ты, сестричка в медсанбате,
Не тревожься Бога ради,***

Мы до свадьбы доживем еще с тобой...

Игорь Морозов - потомственный офицер, не только отец, но и дед, и прадед Морозова справляли государеву службу в офицерских чинах. Однако до заветных звездных погон Игорю довелось пройти множество «университетов»: полюбить общность жития родных московских коммуналок и дворов, родовую деревню, где написал свою первую песню под баян, стать по окончании МВТУ им. Баумана инженером-механиком боевых гусеничных и колесных машин, инженером-лейтенантом ракетных войск ПВО. К этому прибавьте великолепное владение английским языком (без словаря, разумеется) и умение боксировать в объеме КМСа. До службы также успел в Особом КБ смонтировать масляный насос высокого давления для экспериментальной БМП-2.

Привычка делать одновременно множество срочных дел въелась в характер Игоря и, как мне кажется, стала почти необходимым условием для его песенного вдохновения...

Однако гены потомственного воина, сына фронтового разведчика взяли свое. В августе 1977 года он переходит в КГБ и с лейтенантскими погонами на плечах постигает курс молодого бойца. А через два месяца, получив подготовку уже командира роты и освоив азы диверсионной и антиверсионной работы, слушал лекции Высшей краснознаменной Школы КГБ СССР им. Феликса Дзержинского, какую окончил с красным дипломом. В общем, начался путь, который и привел его весной 1982 года в Файзабад, где капитан Морозов возглавил оперативно-боевую группу «Бадахшан» отряда КГБ «Каскад».

Интересен факт: чтобы ввести наискорейшим образом в обстановку вместо инструкций и пространных объяснений новичку дали прослушать кассету песен другого «каскадера» Юрия Кирсанова. Согласитесь, это уже само по себе сильное доказательство точности и всеохватности афганской песни. Надо ли говорить, что для Морозова, уже неплохо разбиравшегося в авторской песне, это стало открытием жанра. Капитан слушал кассету, точно впитывал. Через несколько часов непрерывного

звучания кирсановского голоса он многие из текстов мог повторить из слова в слово. С этими песнями Игорь Морозов и прибыл в Файзабад.

История повторилась почти буквально, что дает право говорить уже о закономерности. Сначала Игорь писал песни-«кальки»: водоворот жизни, полной экзотики, военных приключений и героизма требовал немедленного переплавки в песню. В ход шли известные мелодии, «рихтовались» под Афганистан любимые стихи, переделывались и записывались на кассеты песни Великой Отечественной войны, Владимира Высоцкого, песни друзей. С той только разницей, что бадахшанские песенники учитывали конфликт, возникший у Кирсанова с командованием – история передавалась из уст в уста, отряд-то один, хоть и разбросанный по всему «заречью» - и кассеты, где к авторству относились без почтения, уходили в народ безымянными, лишь под условными названиями.

Сегодня это обстоятельство дает возможность любителям чужой славы оспаривать авторство некоторых песен Игоря Морозова, вошедших в классику афганской песни. А иногда происходит и обратное: за песню-кальку Игоря пытаются уличить в плагиате. Хотя сам автор по-настоящему своими считает лишь те, где написал и слова и музыку без опоры на «костыли». Таковых, прожигающих сразу и навсегда, написано Игорем Морозовы на афганской земле немало. Он всегда где-то рядом – родной неспешный голос с хрипотцой и слова, спетые под нехитрый набор аккордов на семиструнке.

***Этот мир без тебя – просто серые скалы,
От палящего солнца не спрятаться в тень.
Здесь душманские буры стерегут перевалы,
И в тревожных рассветах рождается день...
...Этот мир без тебя – он расколот войною,
Эхо выстрелов скачет по склонам крутым.***

***Этот мир без тебя – все же полон тобою,
И становишься ближе далекая ты.
Бур – это старинная английская винтовка.
Перевалы, лоцины, под колесами мины,
Словно загнанный, дышит мотор.
Раскаленные ветры, и ползут километры
Среди серых пылающих гор.
Под колесами камень, не шути с тормозами,
Ты же все же КамАЗ, а не танк.
Раньше в этой кабине ездил Пашка Вершинин,
Да не выпустил Пашку Саланг...***

Многим позже Игорь рассказал, что легендарную семиструнную «Yamaha», на которой он написал большую часть своих афганских песен, ему подарил японец. Бедолагу чуть было не призвали в афганскую армию. А набор в те времена нередко производился посредством облав в людных местах, и парня прихватили на рынке, а Морозов вмешался и освободил представителя страны восходящего солнца.

Уже войска жили выводом и песни о прощании с Афганистаном «за речкой» буквально роились, и я писал о том же, но, когда услышал морозовскую «Мы уходим...», сразу же понял – это главная песня последнего дыхания нашей войны. Каждый афганец чувствовал в ней частичку себя и общий завет Ограниченного контингента, как бы подводивший итог всем песням, родившимся в военное десятилетие.

***С покоренных однажды
небесных вершин
По ступеням обугленным***

на землю сходим

Под прицельные залпы

наветов и лжи

Мы уходим, уходим, уходим, уходим...

Морозов дважды буквально напросился в командировку «за речку» в группу обеспечения вывода наших войск. Что-то очень важное оставлял офицер, поэт на афганской земле. Однажды он посреди дороги в нарушение всех инструкций и правил, спрыгнул с боевой машины и отправился по дороге пешком, без сопровождения и прикрытия. Со стороны могло показаться, что человек ищет смерти. Но Морозов просто прощался с отлетевшими отсюда душами боевых друзей, со своей, может быть, самой светлой и чистой частью жизни. Когда-то из афганской бытности жизнь за чертой границы казалась восторженно радостной, полной надежд и устремленности вперед. Теперь пришло ощущение, что главное осталось все же здесь: обжигающая разлукой любовь, товарищи, с кем делили черный хлеб фронтовой романтики, как легко было здесь, среди них, оставаться человеком, песни под тоскующую гитару, разгорающиеся костром, когда и где их так подхватят!

В 1989 году за обеспечение безопасности вывода командующий 40-й армии генерал-лейтенант Борис Громов лично представил подполковника Морозова к ордену Красной Звезды, который Игорь и получил 18 мая.

Первые афганские песни Игоря увидели свет в 1987 году в первом сборнике песен воинов-интернационалистов «Когда поют солдаты». Потом была пластинка из серии «Время выбрало нас». Афганское фестивальное движение, стремительно набрав обороты, захватило всю страну. Из московских бардов-афганцев собралась группа «Шурави», вскоре из нее выделилось три офицера, объединившиеся в «Группу специального назначения»: Игорь Морозов, Валерий Ковалев и Дмитрий Еремин.

- За два года, - вспоминает Морозов, - мы объездили в Союзе все, что было можно: от Калининграда до Южно-Сахалинска, от Кушки

до Мирного. Сотни концертов. Участвовали в телевизионных фестивалях «Когда поют солдаты», «Майские звезды». Вышла книжка песен «Группа специального назначения»...

Мы с Игорем Морозовым впервые встретились в пансионате издательства «Молодая гвардия», где с пишущими на афганскую тему Военно-художественная студия писателей проводила литературный семинар. По счастливому стечению обстоятельств нас поселили в одном номере. Песни друг друга мы знали давно, поэтому давно уже заочно относились друг к другу с симпатией.

Потом была Абхазия, Дом творчества Союза писателей в Пицунде, где проходило Всеармейское совещание литераторов. Там мы тоже жили в одном, правда, двухкомнатном номере, вместе с Александром Минаевым, бардом последних полутора лет афганской войны, командиром зенитного дивизиона в Баграме.

В Пицунде мы впервые увидели, как начинается гражданская война уже на территории нашей страны: первые пока еще редкие и малопонятные выстрелы, группки людей вдруг начинающие галдеть на непонятном языке и как-то быстро затихающие, заметив нас, «отдыхающих». Немногим позже на «гастролях» по уже полыхающей Абхазии всем троим доведется увидеть «писательский санаторий» и мощную пробоину от крупнокалиберного снаряда в его верхних этажах.

Концертный тур по «горячей точке» небольшой дружной группы бардов-афганцев продлился тогда с месяц. Организовала его Наталья Рожанова, немало потрудившаяся для афганского фестивального движения. А до Абхазии ей удалось найти финансы и собрать группу воевавших авторов-исполнителей для сорокадневной поездке по Приднестровью.

И везде, где стреляли, в первых рядах - афганцы: знакомые выражения лиц, походно-полевой быт и песни, многие из них – морозовские, которые так легко подхватываются.

Однажды Игорь Морозов взял меня на подмосковное кладбище, где похоронены афганцы. В голове всю дорогу, пока ехали,

крутились строчки из песни Игоря об афганском побратиме – вертолетчике Вадиме Бураго.

***...И кому судьба какая выпадет,
Предсказать пока что не берись! –
Нам не всем ракетой алой высветят
Право на посадку и на жизнь.***

***Ни к чему гаданья и пророчества,
И о прошлом тоже не жалей,
Не спасись порой от одиночества
Даже в окружении друзей...***

В одном бою Игоря Морозова и Вадима Бураго посекло осколками, смерть тогда лишь подмигнула, пройдя стороной. После боя офицеры, смешав по капле крови в спирте, выпили его, побратавшись.

И все же афганская война оставили у себя Вадима навечно, в очередном бою вертолет бравого старлея ВВС был сбит и правый пилот сгорел в родном МИ-8, в мгновение ока превратившимся в огромный факел.

Мама побратима, Александра Романовна, до последних своих дней считала Игоря Морозова сыном. Сын Вадима Бураго, Вадим Вадимович, стал офицером...

Я служил в костромском Галиче, когда Игорь вместе со своим товарищем по группе поющих офицеров-афганцев Валерием Ковалевым нагрянули в гости. Конечно же, собрались, узнав об этом, афганцы. Отдельно, по-семейному. Кроме того, в небольшом городе при полном аншлаге прошло два концерта. Игоря восхитили зимние красоты древнего Галича, легли на сердце холмистые пейзажи со светлым березняком и дремучим смешанным лесом,

вытянувшаяся вдоль озера улица деревянных домов. Морозов всегда был горд тем, что в жилах его течет кровь русича.

В 1991 году до Галича долетели слухи: Морозов, референт Председателя КГБ СССР Николая Крючкова, арестован. Я тут же рванулся к вокзалу, благо ехать по железной дороге до столицы одну ночь. К счастью, слухи не подтвердились. Игорь, насквозь простуженный, отлеживался дома на Абельмановской улице.

В том же году полковник Морозов ушел в запас и вскоре, «оставив мир», почти безвылазно стал жить в родовой деревне, где когда-то написал свою первую песню о несчастной любви. Он так и живет естественной первобытной жизнью: строит дом, пишет деревенскую гитарную лирику, поет селянам о них же у общего костра. Да вчитывается в историю Руси.

Кем-то из литераторов было пущено в оборот выражение «внутренняя эмиграция», мол, в эпоху застоя он из страны не уезжал, но был во «внутренней эмиграции». Так вот Игорь Морозов ушел во внутреннюю эмиграцию, когда страну, которой он служил, не жалея жизни, уничтожили росчерками перьев.

А песни Игоря наших подразделений в «горячих точках» и большой сцены покинуть уже не в силах. Только любимую Бориса Громова «Мы уходим» поет ему не сам автор, а Иосиф Кобзон.

«И ТУТ СТАЛО ЖАРКО ГОРАМ»

Механик-водитель Александр Высоцкий в Афганистан попал в числе первых пограничников. В составе сборно-боевого отряда (СБО). Это были первые внештатные пограничные формирования, придаваемые армейцам. Бойцов в них отбирали с застав и дополнительно обучали в «спецучебке» тому, что необходимо для ведения боевых действий в Афганистане. Наводившие на душманов ужас ДШМГ и ММГ – штатные боевые единицы погранвойск – появились «за речкой» позже. А сначала на пограничников смотрели, как на какую-то диковинку.

Когда после увольнения в запас Высоцкий пришел в военкомат за свидетельством, там восприняли его чуть ли не как жулика: «Афганистан, говоришь? Угу, с пограничными погонами?» Документ Александр получил лишь в октябре 1991 года. А многим пограничникам той поры Афган вообще в зачет не пошел. Ведь по официальным документам пограничники туда вошли в 1982 году...

Врезалось в память первое ощущение войны. Колонна еще не дошла до Саланга, когда маячившая впереди «вертушка» на глазах пограничников, взорвавшись, разлетелась на куски. У всех – оцепенение.

Ночевали по соседству с десантниками, три дня назад попавшими в огневой мешок. Техника побита. В машинах – раненые. Десантники рассказывали, что от роты осталась половина.

Потом день перепутался с ночью. Постепенно привыкли к постоянной опасности, научились вести бой в горах.

Поначалу в подразделениях пограничников с гитарами было туго. Зато гитаристов в избытке. После – разжились. Даже обычай такой завели: ротному менестрелю на «дембель» вручали инструмент с росписями друзей. Появились и свои сочинители. Как святыню хранит Александр Высоцкий кассету, записанную в родной мангруппе.

Эхом разнеслась по Афгану горькая весть о том, что бригада спецназа попала в клещи и понесла большие потери. Из седьмой роты в живых осталось только три человека. Мангруппа, где теперь служил Высоцкий, должна была взаимодействовать со спецназом, однако в последний момент получила другую задачу. И Саша, глотая слезы, сочинил песню, она живет до сих пор.

Изранена земля, разрыв невдалеке,

И камни обагрились кровью алой.

Вот справа друг упал, а взводный на песке

Лежит, хрипя: «Ребята, к перевалу!»

***Позицию свою меняя на ходу,
Ребята не дают подняться банде.
А наверху уже расчет отбил тропу,
Посмотрим, кто теперь у нас в засаде!..***

Капитан Соловьев учил элементарному, но основательно: в бою главное – знать свое место и задачу. И после его школы пусть хоть камни закипают над головой – страх прятался на дне души: страшнее гибели было не отработать свое, подставить ребят.

Соловьева солдаты любили. Между собой называли «батя». Впрочем, для армии это типично. Как и задачи бронетранспортера, водителем которого был Саша Высоцкий. Перебрасывали в нужное место десант, подхватывали его, вынося из пекла, поддерживали огнем, сопровождали колонны, стояли для прикрытия на блок-постах.

Сержант Иван Саблин, командир бэтээра, был боксером, поэтому и Высоцкого – мастера спорта по боксу – взял в свой экипаж. Еще в «учебке».

Однажды, когда их бронетранспортер сопровождал колонну, напоролись на засаду. По привычной тактике душманы подожгли первую и последнюю машины каравана, чтобы расстрелять зажатую колонну. Но Саблин с Высоцким, скинув первую объятую огнем машину в пропасть, завязали бой. Колонне удалось вынырнуть из мешка. Но Иван получил серьезное ранение.

Тогда, в 1981-м, награждали скупо. Сержанту Саблину – «Медаль за отвагу». Ефрейтору Высоцкому – объявили благодарность.

Ивана отправили в госпиталь, оттуда – в запас. Командиром БТРа стал Высоцкий. Теперь – младший сержант. Правда, на командирском месте довелось посидеть чуть больше полутора месяцев.

«При смене места дислокации бронетранспортер подорвался на фугасе. Сильнейший удар, точно бомба в голове разорвалась...

Очнулся в «вертушке», на плащ-палатке. Глаза открыл, ничего не слышу. Только мутный гул. Наклоняются надо мной, что-то говорят. Будто рыбы, рты открывают беззвучно. Взглянул на ноги. Обе туго перебинтованы, но целы».

Слух восстанавливался два месяца. По возвращении в родную мангруппу Саша увидел три особо застеленные койки. Он задал вопрос одним только словом:

- Когда?

- Двое неделю назад. А Серега Заварзин – когда тебя из «брони» вытаскивал.

Это про него Саша пел:

***Идет по горам караван,
Торопится он в Пакистан.
А я за скалою с Серегой
Сегодня пройти им не дам.***

***Зажато крепленное слово,
Но время приказам-словам:
- Серега, возьми головногого! –
И тут стало жарко горам...***

Не стало и капитана Соловьева. Духовский пулемет «разрезал» его надвое. Командир пытался спасти из горящего бронетранспортера раненого солдата.

После возвращения Высоцкого боевой работой старались не загружать, щадили. А вскоре пришел и «дембель». С собой Александр забрал и подаренную сослуживцами гитару.

Медаль «За боевые заслуги» Саша получил уже в Саранске, где учился в пединституте. Вызвали в военкомат, где улыбчивый майор

пожал руку и вручил коробочку. На курсе об этом никто так и не узнал. Говоруном Саша никогда не был. Часто приятели узнают о том, что он прошел Афган, только тогда, когда бывший пограничник берет в руки гитару.

***Пусть орденов не надеваем мы,
И по шкафам давно пылится форма,
Но в час ночной, в минуты тишины
Не спится нам, когда уснут все дома.
Закуришь ты и встанешь у окна,
Зажав в дрожащих пальцах папиросу.
И мать проснется: «Что? Опять война?»
Ты не ответишь на ее вопросы...***

С тех пор Высоцкий стал участником многих фестивалей афганских песен: в Москве, Ярославле, Стерлитамаке, участвовал в съемках фильма о бардах-афганцах в Конобеево. В 1985-м и 1987-м - просил в военкомате, чтобы вновь отправили «за речку». Ответ был неизменным: «Свое ты, братишка, уже отвоевал!»

Отвоевать-то отвоевал, но кое в чем военкоматчики ошиблись. Александр снова надел погоны. Но офицерские. Сейчас он уже майор, начальник отделения Управления специального назначения УИН Министерства юстиции. Осталось четыре госэкзамена до второго высшего образования – юридического. Офицер Высоцкий принимал участие в операции по уничтожению банды Салмана Радуева, награжден краповым беретом, что причисляет Александра к высшей касте спецназа, чтимой во всем мире. Так что списывать рановато!

Как-то во время празднования Дня пограничника Высоцкого крепко обнял Андрей Мерзликин, Герой России, бывший заместитель 12-й заставы Московского пограничного отряда (Высоцкий тоже служил в Московском): «Так вот ты какой! Знаешь, как мы пели твои песни!»

Ребята специально для него, Александра Высоцкого, привезли зеленый берет с геройской двенадцатой. Что может быть выше этой братской оценки!

«ВРЕМЯ ВЫБРАЛО НАС»

Самая крылатая фраза афганской войны, какой до сих пор то и дело называют публикации, теле- и радиопередачи об афганцах, вечера памяти – «Время выбрало нас» - взята из песни Виктора Павловича Куценко, генерала-афганца.

Время выбрало нас,

Закружило в афганской метели,

Нас позвали друзья в грозный час –

Мы особую форму надели...

В 1987 году для всего Советского Союза эти слова стали синонимом воюющей за южными рубежами 40-й армии: и серия из четырех дисков-гигантов фирмы «Мелодия», где впервые зазвучали признанные, наконец, официально песни авторов-исполнителей Ограниченного континента, и первый Всесоюзный фестиваль афганской песни в Ашхабаде именовались «Время выбрало нас».

Виктор Павлович в Афганистане служил с сентября 1984 по сентябрь 1987 года. Советником начальника инженерных войск Афганской армии. Согласие на должность дал сразу, как только понял, куда посылают, даже не дослушав до конца фразу Маршала инженерных войск СССР Аганова. И через девять дней после разговора уже приземлился в Кабуле.

За геройскую службу «за речкой» боевой генерал награжден советским и афганским орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Три года Виктор Павлович служил практически в афганской армии и за это время полюбил мужественный и трудолюбивый народ. Слова «интернациональный долг» для Куценко до сих пор наполнены высоким смыслом. Хотя как серьезный военный специалист он не мог не видеть крупных политических и военных просчетов. И все-таки никогда не забыть ему Омара, друга, офицера афганской армии, который мушавера (так называли советников коренные афганцы) Куценко закрыл собой от пулеметной очереди. К счастью, оба остались целы.

Мне не забыть поход на Барикот!

Протяжный вой сорвавшегося в пропасть

И наш насквозь прошитый вертолет,

Свистящую пробоинами лопасть.

Это было в героическом почти в месяц длинной походе в отрезанный от большой земли гарнизон афганской армии. Он находился в населенном пункте Барикот, что в двух километрах от пакистанской границы. Гарнизон выполнял боевую задачу в полной вражеской блокаде. Колонна в 180 машин с провизией и боеприпасами прорывалась по единственной горной дороге. Казалось бы, какая удобная мишень для обстрела: подбивай первую и последнюю машину, а дальше по обычной схеме – расстреливай вставшую технику и людей, словно в тире. Не выходит? Тогда просто рви висящий над пропастью серпантин – и вся недолга!

И расстреливали, и взрывали. Куценко руководил подразделением, обеспечивавшим проход, проявляя не только мужество военачальника, но и талант военного инженера. Дорогу восстанавливали почти над пропастью. И караван жизни продвигался вперед! И колонна дошла-таки до Барикота!

В той же песне есть строки, волнующие меня особо:

Ну что сказать тебе, мой друг Омар?

Вот и пришла пора нам расставаться.

*я уйду, не потушив пожар,
Ты остаешься до конца сражаться...
О! Как устал и ты, и твой народ.
Груз с каждым днем все больше давит плечи.
Я уйду, с годами боль пройдет,
Но память будет жалить бесконечно...
Я не забуду твой прощальный взгляд,
Нежданных слез, блеснувших на ресницах.
Прости меня, афганский друг и брат,
За то, что не могу я раздвоиться.*

Да, был и такой Афганистан, который мы оставляли с болью в сердце. Здесь как бы предвосхищено настроение многих советских офицеров во время вывода Ограниченного контингента, когда мы навсегда покидали боевых друзей, до конца веривших нам, и страну, во внутренние и внешние дела которой ввязались.

И все же главным, что всегда отличало самого Виктора Павловича и его афганские песни, был оптимизм, вера в себя и товарищей по оружию.

В срединные годы афганской войны, которые как раз и пришлось на Куценко, в наших гарнизонах получили распространение песни-«слезовыжималки», особенно в солдатской среде. Оно и понятно: войска на земле южного соседа явно загостились, а боевые действия не утихают, простые афганцы, ради которых это все и затевалось, смотрели на «шурави» уже без восторга.

Душа Виктора Павловича нудыги под гитарные переборы не принимала, не тот характер, другое дело песни «каскадеров» первых лет войны, они, точно славные боевые товарищи, всегда были готовы поддержать в трудную минуту, звали к шестиструнке, ждали продолжения. Виктор Куценко и до «зареченских» дел слыл

неплохим сочинителем, но на афганской земле его дар раскрылся с особенной силой. Надо признать: самые жизнелюбивые песни Ограниченного контингента написаны именно Виктором Павловичем.

Лютное солнце над Кандагаром

Мертвою хваткой вцепилось в поля.

Наша колонна окутана жаром.

Семьдесят выше нуля!..

... «К бою!» - и пекла как не бывало.

Вихрем взметнулась, вскипела земля.

Рота в ущелье душманов зажала.

Подумаешь!

Семьдесят выше нуля!

С пиковой вершины Наргархара

За аккордом в ночь летит аккорд.

Не жалей, друг, глотку и гитару,

Взвод, не сомневайся, подпоет!

Ну что с того, что до упаду мы устали,

Ну что с того, что нам в лицо дышала смерть.

Ведь мы сегодня высоту отвоевали,

Так почему сегодня нам не спеть...

Речь, как видите, о бесконфликтности и приукрашенной розовой водице: даже драма и трагедия в глазах мужественного человека – повод для укрепления жизнестойкости.

Врезался в память зал ашхабадского Дома офицеров, где проходил гала-концерт самого первого фестиваля песни воинов-интернационалистов, и Виктор Павлович на сцене вместе с Юрием Слатовым, офицером-афганцем, будущим солистом и автором песен «Голубых беретов», поют шуточную песню об осажденной Хосте.

***...Плели интриги в Хосте англичане,
Запутали вождей в Пуштунистане,
Но так велел Аллах,
Разбиты были в прах.
Их кости, как урок, блестят в горах.
А мы таких уроков не учили,
Подумаешь, джентльменов там побили,
А нынче это мы
Решимости полны
Закончить это дело до зимы.
(А зимы там нет!)*...**

А зал стоит, точно объявили минуту молчания. Весь зал, кроме Светланы Атаевны, вдовы Миши Караева, погибшего в Афганистане. У женщины подкосились ноги. Это он, Караев, попросил своего друга Куценко написать песню о Хосте, и чтобы обязательно была веселая. Песня родилась, только Миренгальды Караев, или Миша, как он когда-то представился Виктору Павловичу, эту песню уже не услышал. Когда стих последний аккорд, генерал Куценко с огромным букетом цветов вышел в зал к Светлане Атаевне.

В этот же день, незадолго до концерта, вдове вручили орден Красного Знамени, которым офицер Караев был награжден посмертно. Природу оптимизма в своем творчестве Виктор Павлович отчасти объяснил в песне, посвященной этому событию.

В объятьях земли Ашхабада

Оплаканных столько могил.

У Миши Караева плакать не надо:

Он слез никогда не любил...

Это удивительно, но и песни Виктора Павловича, утверждавшие боевой дух и сами бывшие плотью от плоти этого духа, тоже подвергались нападкам цензоров и крупных политработников. Строка, четверостишие, а то и текст песни целиком вызывали порой вопросы у бдительных оппонентов. Хотя эти оценки не помешали песенному творчеству Куценко занять достойное место в афганской классике.

Что может быть для поэта дороже первой книги? Из-за придирок, требованиям соответствовать официальной гладкописи об афганской войне Виктор Павлович ее рукопись просто-напросто забрал. За тучей поправок терялась суть. Издатели при этом облегченно вздохнули.

Время все расставило на свои места. Сегодня поющий генерал - автор целого ряда книг песен, стихов и его замечательных рассказов. Он - член Союза писателей России.

Говоря о Викторе Павловиче Куценко, нельзя оставить в стороне тему его художнического таланта и подвижничества. В Афганистане он нарисовал тысячи рисунков: эпизоды боев, природа, кишлаки, натюрморты из предметов, вошедших в быт 40-й армии, и лица, лица, лица... Иногда рисунок становился последним прижизненным свидетельством о человеке.

Уже после войны эти рисунки, эскизы составили некую целостную картину жизни Ограниченного контингента, кроме того, они стали этюдами, легли в основу сюжетов многих десятков картин, написанных Виктором Павловичем уже по возвращению домой.

Виктор Павлович выступил художником бесчисленного количества прозаических книг и поэтических сборников афганцев, лазерных

дисков, кассет. Фронтовой художник открыл свою постоянно действующую выставку в «Руси», Центре реабилитации инвалидов войн и вооруженных локальных конфликтов. Выставка получила высокую оценку среди профессиональных художников, в частности члена правления Союза художников страны, заслуженного художника России Геннадия Животова. Там же он немало поработал над оформлением Музея афганской войны, где создал панораму из картин, посвященных вводу и выводу наших войск.

И сегодня «наш генерал», как называют его афганцы, на острие жизни. Полон прозаических, поэтических и художнических замыслов. Концерты, выступления, выставки. Его дни рождения превращаются в настоящие фестивали, с презентацией книг и дисков, выступлениями известных бардов-афганцев и вокально-инструментальных групп. У песен Куценко счастливая судьба: их пели и поют рожденные на афганской земле ансамбли «Каскад» и «Голубые береты», юнармейцы, оперные певицы, с особым чувством – родные инженерные войска, афганцы и ветераны Великой Отечественной...

Отдельной строкой надо выделить творческие усилия автора-исполнителя по возрождению жанра офицерского романса.

Недавно позвонил Виктору Павловичу, и он мне с восторгом рассказывал о возможностях компьютерной аранжировки, демонстрируя свою пробу. Воистину, возраст человека определяется его отношением к жизни.

«ПОГРАНИЧНАЯ ПОЛОСА»

Песни пограничников из всех, написанных на афганской войне, разыскать было труднее всего. Оттого, видно, что присутствие пограничных подразделений в Афганистане составляло государственную тайну. Два, на мой взгляд, убедительных примера. В трех томах антологии афганских песен, над которой, кстати, трудился воевавший в Афганистане офицер-пограничник Владимир Сысоев, - всего три (!) сочинения «зеленых фуражек». А

исследователь современного армейского фольклора Вячеслав Огрызко в статье «По приказу без огласки», посвященной нескольким песням афганцев-пограничников, с сожалением констатировал большую редкость первоисточников.

Каково же было мое удивление, когда на фоне этого «голода» оказалось, что у Владимира Мазура сохранилась целая 90-минутная (!) аудиокассета пограничных песен, записанная им еще на «точке». Туда вошли и первые творческие пробы Владимира, ныне – лауреата девяти крупных песенных фестивалей военной авторской песни (такой коллекции больше ни у кого нет).

Владимир Мазур воевал в Афганистане с февраля 1983-го по июль 1984 года. Он минометчик. Его батарея, входившая в мото-маневренную группу Московского пограничного отряда, стояла на страже афганского города Рустак.

Восточный адрес неизвестен.

Мы расположены в горах.

Наш мир, бесспорно, очень тесен,

К нам долетишь лишь на бортах.

Но горевать мы зря не станем,

И в самом деле это так,

Для нас во всем Афганистане

Нет лучше места, чем Рустак...

«Наша минометная батарея была самым боевым подразделением на «точке», команда «К бою!» в случае любой заварухи в первую очередь звучала для минометчиков. иногда, правда, нас поднимали и для того, чтоб, расстреляв мины, освободить от боеприпасов ящики, которые шли на растопку. Высота над уровнем моря – 1200 метров, зимой холод собачий, ветер, снег.

Когда я только прилетел, минометная батарея располагалась в двух-трех блиндажах, по шесть-восемь человек. Электричество давал дизель, но в целях свето- и звукомаскировки ночью его выключали. Питались поначалу из рук вон плохо. Не хватало элементарного – одна ложка на три человека. Приходилось пускаться по кругу. Но гепатита у погранцов почти не было. От жажды спасались настоем верблюжьей колючки.

Основные продукты два раза в год завозила большая колонна. Свежей картошки хватало на два-три месяца, остальное время давились сухой. Пили чай, когда присылала родня в посылках. Правда, это праздник: присылали не каждому, а на круг, сам понимаешь... Иногда завозили арбузы, но это уж вообще!

И конечно же гитара! Она и согревала и роднила. Мы, как умели, сочиняли песни про нашу жизнь, про ребят. Сейчас чьи-то их имена вписаны в Книгу памяти, чьи-то – в историю афганской войны, а тогда мы были просто пацанами».

Команда «К бою!». Ты срываешься с постели.

Хватаешь каску, магазин и автомат.

Ты пробегаешь через ходы сообщений,

А над тобой летают пули и свистят.

«Я тогда в Афгане был только месяца два. «Духи» поставили на склонах вокруг «точки» три миномета и одновременно открыли огонь. Мы в это время смотрели телевизор. Тут звучит команда: «Застава, к бою!» А минометчики знали, что эта команда, как правило, для учебы использовалась, как говорил уже, во время серьезных дел в первую очередь поднимали минбат. Заставские побежали по траншеям: кто к окопам, кто к БТРу. А мы вышли посмотреть, как они тренируются. Знатный повод для веселья! В это время мины начали рваться уже непосредственно на «точке». Мы – пулей к своим позициям. Война учит быстро. Каждый знал, что ему делать, все было отработано до автоматизма. Этого автоматизма не мог победить даже неопикуемый страх, который леденил душу, особенно у нас, «молодых».

Мое дело тогда было подносить мины. У меня пальцы в кровь иссекли шнуры, их срывал для подготовки мин. На взрывателе есть такой железный колпачок, а на нем еще замасленная веревочка. Я едва успевал срывать эти колпачки. Погребок с боеприпасами был прямо на позиции. Один ящик весит 46 кг. Но ни сорванную кожу на пальцах, ни тяжесть ящиков не чувствовал.

Я тогда впервые услышал шорох мины. Она ведь на самом деле не свистит – шуршит. Я слышал, как она шуршала и разорвалась в пятидесяти – ста метрах за спиной. Если бы «духи» опустили свой миномет чуть-чуть ниже...».

Цепочкою кирпичики

бросают пограничники...

«Представь себе, мы буквально рвались на операции! А все потому, что если не было «боевых», то железно отправляли на стройку. А это у нас считалось куда хуже. Ух и вламывали! За время, которое служил на «точке», практически голую высотку, считай, голыми руками превратили в укрепрайон.

Самым тяжелым считалось производство кирпичей.

С вечера замешиваем босыми ногами глиняный замес, а утром, чуть свет, начинаем его утрамбовывать в ящики из-под патронов, их внутри разделяет перегородка: получается ящик на два самопальных кирпичика. И до потери пульса. До тысячи штук штамповали! Солнце жарило так, что обходились без печей для обжига. На перекрытия блиндажей, крыш казарм шли все те же ящики из-под боеприпасов. Дерево у нас было первым дефицитом. На часть одного из перекрытий поста пошла даже дека обветшавшей моей первой «афганской» гитары».

В тот день весна была особенно мила,

Повсюду маки на полянах расцветали...

Их ждала мать!

Она всю жизнь могла бы ждать

**при мысли той,
Что сын ее придет когда-нибудь домой,
что он живой.**

Походный быт боевых действий настолько въелся в минбат, что Володя пел: «Сидеть в резерве – это значит портить нервы, Когда надеешься, что вылетишь с «ДэШа».

Что молодых парней звало в пекло? Думаю, так жертвовать собой могли только те, кто чувствовал себя спасителями. 7 мая 1984 года Владимир Мазур вспоминать не любит. День выдался погожим и начинался обыкновенно. Пограничники оседлали семь «бэтээров» и двинулись на выезд. Уже сидя на броне, Володя обратил внимание, как много маков расцвело...

Лирическое настроение сдула команда «К бою!». Минометчики развернулись. Командир батареи, старший лейтенант Андрей Талашов в этот раз вынужден был выставлять дальномер, стоя в полный рост. Дорожил каждой секундой. Душманы как можно скорее должны были понять, что они не тире. Стрельба в условиях огневой дуэли – это совсем не то, когда лупишь по колонне безответно.

После первых же выстрелов миномета огонь «духов» потерял первоначальную напористость. Враги вынуждены были укрываться. Кроме того, по голосу комбата, в котором звучали победные нотки, чувствовалось, что «духи» несут потери. И это, и работа командира в полный рост вселяли уверенность.

На этот раз рядовому Мазуру не удалось услышать шорох пролетающей мимо мины. Она разорвалась рядом.

В том бою погибли трое пограничников. Пал и геройский командир батареи. Опытному комбату, не раз избавлявшему от смертельной опасности целые подразделения, от роду было не больше двадцати пяти. Многие получили ранения. В их числе и Владимир.

Когда на гитару сменяю автомат,

*Для вас я спою про веселых ребят,
Кто вместе со мною на службе стоял,
С кем радость и горе делил пополам.*

«Из Афгана я привез гитару, которую подарили сослуживцы. Она пережила на «точке» несколько призывов, не раз побывала в боевой обстановке, вместе с «ДШ» выезжала на операции, и ребята решили отправить ее в Союз, так сказать, на малый дембель. Зная, что я, уж точно, останусь жив, а значит, буду как святыню хранить и ее.

На «афганской» гитаре как раз и попробовал выступить в отборочной туре Первого Всеукраинского фестиваля афганской песни. Но инструмент уже держал струны слабо. Сыграешь одну песню, и как будто не настраивал. Опыт концертных выступлений нулевой... В общем, завалился я. Не взяли. Зато уж на фестивале в Виннице попел! В 1988 году. Стал дипломантом. В течение осени песен десять написал. Пошли публикации в газетах.

А тут начали шельмовать «афганцев». Все внутри у меня закипало, когда какой-нибудь гнус распекал моих боевых братьев. А как тех ребят, кто в Афгане лег, вспомню... В общем, много сочинял, много выступал – радио, телевидение, гастроли. Со временем песня стала для меня образом жизни. Лет десять я одновременно с концертной практикой еще и преподавал в школе, потом всего себя отдал песне».

Уже после Афганистана Владимир Мазур написал «Пограничную полосу» - одну из лучших песен о границе последнего десятилетия. В ней соединились афганская служба и любовь к родным войскам. На Лубянке новое сочинение оценили по достоинству, выделив деньги на аранжировку.

«И КОЛОННА ДВИЖЕТСЯ ВПЕРЕД!»

Валерий Петряев – бард-афганец, который не только сам пишет песни, но и сокращает путь других военных авторов-исполнителей

до всероссийских подмостков. Он создал самую плодовитую в России «Солдатскую студию», которая сегодня имеет обширную почту не только со всего огромного пространства России и стран СНГ, но из США, Канады, Германии, Англии, Израиля, Новой Зеландии...

В Афганистан Валерий попал в самом начале афганской эпопеи, с весны 1980 года, и сразу же попросился в боевое подразделение. Так прапорщик Петряев заменил погибшего от пулевого ранения в голову командира пулеметного взвода. А через время, которое доказало наличие бойцовских качеств нового командира, комбат доверил Валерию сформировать из добровольцев разведгруппу.

И завертела огневое колесо военная судьбина. Если батальон уходил на боевые – Петряев выполнял штатные обязанности командира пулеметного взвода, батальон на месте дислокации – прапорщик командует засадами разведгруппы. До сих пор его глаза хорошо видят ночью, ночь же и самая творческая пора для Валерия как для автора-исполнителя.

В Афганистане Валерий начал петь почти сразу. Под гитару, которую привез с собой. Пел песни боевых друзей. Известная многим по пластинке «Время выбрало нас» песня «Второй батальон», которую благодаря Петряеву услышала вся страна, была написана двумя Александрями: умершим от лихорадки Сенотрусовым и Амосовым.

***Перевал весь в огне, а нам надо идти лишь вперед,
И комбат посылает в прорыв наш отчаянный взвод.
Этот взвод, где солдаты злой смерти смотрели в
лицо,
Нет, не дрогнул в горах, но оставил там лучших
бойцов.***

Сочинял Валерий и сам. Наступательные, рычащие, похожие на призыв в атаку песни на кассетах распространялись по всему контингенту. Не заставили себя долго ждать и концерты. Был

случай, когда во время выступления начался обстрел. Валерий допел песню до конца.

В 1987 году, в Ашхабаде, на первом Всесоюзном фестивале афганской песни офицер-десантник Валерий Ковалев спел на сцене популярную песню неизвестного автора, и тут же Петряев стал «известным», благодаря своим товарищам, которые вывели его на всесоюзную сцену. На ней он и остается до сих пор.

Набирало обороты афганское фестивальное движение. Столицы республик, крупнейшие города организовывали песенные праздники воинов-интернационалистов. Валерия приглашали на все крупнейшие события, где принимали участие афганцы. Более того, сам он в родном Ярославле стал главным организатором первых фестивалей афганской песни. Здесь выступали самые известные авторы-исполнители, воевавшие «за речкой» и рожденные на афганской земле вокально-инструментальные ансамбли «Каскад» и «Голубые береты». Во время одного из фестивалей Петряев организовал запись альбома, вышедшего на двух виниловых пластинках.

Казалось, у популярного барда-афганца после столь стремительного восхождения на широкую аудиторию все в полном порядке. Но...

Вскоре афганская песня, обласканная было неожиданным вниманием, так же внезапно поддержки «сверху» лишилась. Ее постепенно стали вытеснять с экрана, с прилавков магазинов. Но главное – из казарм, где гитарными струнами снова завладевал блатной фольклор. Меня самого в ту пору не раз спрашивали, к примеру, а не распались ли «Голубые береты», хотя количество концертов у песенного знамени ВДВ не уменьшилось.

В 1995 году, когда уже вовсю шла война в Чечне, Валерий Петряев зарабатывал деньги, исполняя песни на московских улицах. Трое суток в столице, двое-трое отдыхал дома. Добирался на попутках. Экономил на всем, деньги были нужны не только на элементарное существование, но и на первые аудиоальбомы «Солдатской студии», на запись авторов, аранжировку песен,

оформление кассет. Здесь нельзя не вспомнить добрым словом однополчанина Валерия – Виктора Жаркова. В то время он возглавлял закрытое акционерное общество и смог выделить недостающие средства: «Пусть песни, с которыми мы воевали, останутся нашим детям».

Была в разгаре Чечня, и поддержка таких людей, как Жарков позволила раздать бесплатно сотни кассет. Валерий Петряев ездил к трем вокзалам, к Чкаловскому аэродрому и вручал солдатам и офицерам разгоравшейся войны целые коробки со своими кассетами. Может, тогда служивым было и не до песен. Зато потом... На одном из концертов в Череповце к Петряеву подошли трое крепких парней, обняли как боевого товарища: «Брат, когда мы уже не знали, что делать, у нас все переворачивалось в мозгах и мы уже понимали, что государство нас кинуло, мы слушали твои кассеты и знали: есть еще в нашей стране люди, которым мы нужны – они помнят про нас и для нас пишут песни».

Сегодня музыкальные альбомы «Солдатской студии» пользуются повышенным спросом. Их можно найти и у уличных торговцев, и в специализированных магазинах. Широка география распространения: Россия, страны ближнего зарубежья и, что удивительно для русских солдатских песен, - США, Англия, Германия, Кипр и даже Израиль. В Германии по студийным материалам вышло восемь лазерных дисков.

За время работы на адрес «Солдатской студии» пришло уже более двенадцати тысяч писем. Четыре десятка – из Германии, где-то семьдесят из Израиля. К примеру, девятнадцатилетний морской пехотинец израильской армии пишет, что собрал уже девять ярославских кассет, а война в Афганистане и Дагестане (?) почему-то напоминает ему боевые действия израильской армии против моджахедов в Пакистане и Ливане.

Из Америки видеозапись с исполнением своих песен прислал православный священник, который когда-то был воином-интернационалистом. Есть необычная переписка с чешскими поклонниками русских десантников. Чешские парни изучают

историю нашей крылатой пехоты, достали комплекты десантной формы.

Но за ворохом студийных дел Валерий Петряев не откладывает в сторону и гитару: месяца не проходит без концерта популярного автора-исполнителя. Не раз Валерий ездил в Чечню и Дагестан.

Несколько песен, написанные автором по впечатлениям, полученным во время боевых действий в Дагестане, вошли в альбом «Защитнику Дагестана», по чеченской войне вышло уже пять сборников «На Кавказе было дело», вышли сборники пограничников, воюющих в Аргунском ущелье, спецназовцев МВД.

И снова вгрызается в военно-полевой быт голос, чтобы остаться в памяти уже нового воюющего поколения :

Нам сказали: «Там на дороге - мины!»

Нам сказали: «Там засада ждет!»

Но опять режут бронемашины,

И колонна движется вперед!..

Делом, которому посвящает Валерий Петряев всего себя, заниматься бы военным воспитательным структурам, но, к сожалению, и сегодня авторская песня, вышедшая из горнила современной войны, волнует большей частью тех, кто доподлинно знает ее истинную цену в час суровых испытаний.

«ПОГОВОРИ СО МНОЙ, ТРАВА!»

Его лицо, как и большая часть тела и души, сгорела в 1981 году, расплавилась в объятom пламенем бронетранспортере. Фугас рванул под боевой машиной, разметав по тесному пространству людей, оглушая их и калеча. Расплескалась, вспыхнув, солярка, выедавая легкие гарью. Александр находился под спасительным люком, через который бесчувственное горящее тело вытащили из пламени руки товарищей. Для остальных, кто сопровождал в боевой машине гуманитарный груз, «бэтээр» стал братской могилой.

В Афганистане военным переводчиком Карпенко успел побыть неполных два месяца и потом долгих три года возвращался с войны, меняя госпиталя, операционные, врачей. И в этом неутомимом стремлении в жизни Александр обретал новое тело и новую душу. Неукротимое движение, шаг за шагом, к обычным человеческим радостям, обостряло остроту их восприятия. Карпенко вернулся к стихам. Вернулся, потому что он и раньше сочинял стихи, много и небезуспешно, их хвалили и прочили будущее. Он и в Афганистане написал несколько хороших, скажем прямо, стихотворений о том, что он «взлетел в родном, двадцатом веке – грохнулся в четырнадцатый век».

Но теперь это была особая поэзия, поэзия фронтовика, свой узнаваемый голос.

Поговори со мной трава!

Скажи мне, где берутся силы?

Меня ведь тоже так косили,

Что отлетала голова.

Скажи, подружка, как дела?

Какие снятся ветру дали?

Меня ведь тоже поджигали,

И я, как ты, сгорал дотла...

Скажи мне нежные слова.

Нас ждут и праздники, и будни.

Я снова молод, весел, буен.

Поговори со мной, трава!

Александр обрел то, чего не было у его довоенного двойника – свое творческое лицо. С характерной харизмой и карпенковской тонкостью. Это лицо притягивало магнитом. Не решаясь подойти к поэту, девчонки, после концерта, бывало, подходили ко мне как к

его хорошему товарищу, и не раз приходилось слышать: «Передайте Саше, что он удивительно красивый человек!»

Он был интересен и красив, не тот, до Афгана, симпатичный молодой человек с милыми отутюженными четверостишиями, а этот Александр Карпенко, прорвавшийся через нечеловеческие страдания, чтобы стать самим собой.

Саша ездил «за речку» и во второй раз, уже в конце афганской эпопеи. В качестве «артиста», в одной у компании с Александром Розенбаумом и Иосифом Кобзоном.

Попробуйте после гитарных песен, после удачного выступления любимца-ансамбля приковать внимание публики чтением стихов, донести сложный мир человеческих переживаний только лишь через звук неактерского голоса – Карпенко приковывал, заставлял стихнуть праздничный гул и вслушиваться в поэтический мир своей души. Помню, вечер встречи ветеранов в МВТУ им. Баумана, Саше почему-то предоставили слово под занавес советско-английского мероприятия, но только после его стихов ветераны Великой Отечественной войны окружили наш афганский столик, чтобы поднять стопку за фронтовое братство.

Боль, которую сердцем затронул,

Перелил в капилляры строки.

Стихотворец – общественный донор,

Если кровью исходят стихи.

Как можно с обугленными руками стать бардом. Но преодоление - стихия Карпенко. И он пишет стихи и музыку к ним, мало того, исполняет их, и для этого ему предоставляется большая сцена. Скажем, свой 33-й день рождения поэт отметил концертом в Театре эстрады «Я сегодня в возрасте Христа». Когда подбирали программу, оказалось, что у многих бардов-афганцев есть песни, написанные на стихи Александра. Они всегда как-то легко ложились на музыку, что, кстати, характерно для классической

русской поэзии. Поэтому и концерт проходил под рубрикой - Александр Карпенко и его друзья.

Песни в исполнении Карпенко и его творческих собратьев составили кассеты, лазерные диски.

Да, конечно, тогда интерес к афганцам переживал бум, и Саша был нарасхват. Снялся в документальном фильме, «сыграл» себя в фильме художественном, его приглашали в такие популярные телепередачи, как «Взгляд», в программе «Время» - главной информационной программе страны - рассказывали о творческом вечере Карпенко как о «событии в культурной жизни страны». И гастроли, гастроли, гастроли в творческой группе бардов-афганцев «Шурави». Концерты по всей стране. Сам Александр жарко был принят и в Америке.

Но пришло время, когда волна пристального внимания к афганцам схлынула. Карпенко к этому отнесся спокойно, стало только несколько труднее добывать хлеб насущный. Главное для него не то, что бурно проявляется, а внутреннее напряжение, свидетельствующее о работе души. В 1988 году во время записи на серию пластинок «Время выбрало нас», на ташкентском филиале фирмы «Мелодия» Саша делился со мной мечтами о том, что он хотел бы составить сборник стихов, не связанных с войной. Карпенко всегда стремился, чтоб его ценили прежде всего как поэта, без скидок, точно перед образами. А стихи о войне, хочешь – не хочешь, заставляют воспринимать Александра в первую очередь тяжелораненым афганцем-инвалидом. Кроме того, считается, что только подлинная лирика способна максимально раскрыть поэтический дар автора, чаще всего по ней и судят о глубине и своеобразии поэта.

Есть весьма распространенное заблуждение, будто бы главное в искусстве стихосложения – это умение найти неожиданную рифму, способность выдержать ритм и правильно композиционно выстроить стих, то есть необходимо освоить чисто «технический» набор. Однако истина в том, что процесс рождения стихотворения, - процесс воссоздания подлинной жизни человеческой души, и он

требует, чтобы внутри поэта возникло ощущение распускающегося цветка. Что невозможно без особого трепетного состояния влюбленности, когда обострены слух и зрение и не механический ритм – пульс сердца чеканит фразу. Максимально это состояние выражается в лирике. Вот почему так стремился Александр обнародовать свои поэтические миры. И такую лирику, избранную из всего написанного за двадцать лет, Карпенко издал в пятой своей книге «Откровения одиночества».

К творчеству Александр Карпенко также жадно относится, как и к жизни. Кроме множества замечательных песен и стихов его перу принадлежат циклы рассказов, детские стихи, подборки афоризмов, эпиграмм, пародии. Как он сам признается, ему интересно открывать в себе новые литературные возможности.

И все же, когда разговариваю с Сашей и думаю о его стихах, то первыми строчками всегда вспоминаются:

Да, я запер войну в своей комнате,

Чтобы к людям не вышла она.

Афган, как бы не рвался из него Александр Карпенко, не отпускает. Здесь, среди афганцев и тех, кого коснулась эта война, да и среди ветеранов новых войн – главный его слушатель и поклонник. Да и за жанровой широтой и лирикой, за стремлением вырваться из обоймы четко просматривается неистребимое желание быть собой, найти свое лицо, которое он обрел на госпитальной койке. Это, на мой взгляд, своеобразная память об афганской войне, осколок, вросший в сердце, который уже не замечаешь.

«ГДЕ-ТО ЗА САЛАНГОМ - ДВЕРЬ...»

Кассету в Шинданд привез участник первого слета поэтов воинов-интернационалистов, где мы с ним и познакомились. Из Кабула. На ней – «избранное» из дорогих сердцу ночных гитарных посиделок ребят, собравшихся со всего Афгана на первый и второй

слеты. И чуть ли не сторона песен, которые пел офицер, представившийся Александром Минаевым.

Уже с первого же прослушивания понял, почему так много места на пленке отдали одному автору: солнечный голос, владение гитарой, лучше которого ни до, ни после у афганцев не встречал, причем инструмент как бы осмысливал каждое спетое слово, но главное – все песни пронизаны светом. Вроде бы все про тот же Афган, про потери, разлуку, долгожданную замену, а сердце словно омывает теплая ласковая волна. Поймал себя на том, что, слушая Минаева, невольно улыбался.

Не верю. Не может быть. Это сон.

Но нет – в руке чемодан.

И передо мной мой дивизион

Увы, заменичку сдан.

Комком застряли во мне слова.

Присяду и помолчу.

И, стиснув зубы, кивну: «Пора!»

В объятья всех заключу...

Позже узнаю: это первая афганская песня Минаева, и посвятил он ее тому, кого менял сам. Это ему недавний командир дивизиона вручил по традиции десять «афшек» - афганские деньги и тельняшку, о которых поется дальше в песне.

Ставил эту кассету вновь и вновь, когда выдавалось редкое свободное время, подпевал. Особенно, если сердце затягивала хмарь. Верное средство развеять. Постепенно для каждой песни нашел второй голос. Получалось так, будто поем вместе. Знал бы я тогда, в начале 1988-го, что эти наши два голоса в Сашиных песнях услышат Приднестровье, Абхазия, Дагестан и Чечня...

А встретились в том же году, в Ташкенте, куда оба на время фестиваля армейской песни приехали из Афганистана. Перед

прогоном концертной программы образовалось время, и мы решили послушать песни друг друга. Надо ли говорить, какие чувства я испытал, когда вдруг услышал родной какой-то сияющий изнутри минаевский голос.

***В южном небе звезд не счесть,
И они совсем, как дома,
И одна мне так знакома,
Словно подает из детства весть...
Где-то за Салангом – дверь,
И шоссе ведет к порогу,
Но как далека дорога
Но как далека, так что ж теперь? -
Анна фили где-то за Салангом – дверь...***

Ташкентская студия документальных фильмов пригласила нескольких офицеров-афганцев на просмотр документального фильма об ужасах афганской войны. Трупы, разрушения, расстрелянные колонны. Нечто иное, нежели тогда показывали с голубых экранов. Съемочной группе требовалось наше мнение. И тут наши мнения разошлись: мне казалось, что фильм, наконец-то, рассказывает правду, и пусть детали заставляли глаза сужиться, но ведь не бывает «красивой» смерти, а Минаева корежило от этого средоточия обломков и фрагментов тел, воевали-то во имя светлых начал, во имя жизни, а здесь одно тление. Себя, военного журналиста, замордованного тогдашней цензурой, я понимаю и сегодня. В позиции Минаева – его жизненное кредо: он всегда стремился к настоящей насыщенной жизни, к сильным красивым людям, чувствам.

Там же, в Ташкенте, на фирме «Мелодия» Минаев записал диск-гигант «Где-то за Салангом», который штамповали потом несколько лет три завода. Все пластинки, закупленные счастливым автором, Саня раздал друзьям. Все до одной! По-Минаевски!

Поэтому для представительских целей приходилось брать у меня, пока во Владикавказе, в погранотряде, не нашелся в местной фонотеке еще один экземпляр. Его Минаев выменял на свой новенький лазерный диск.

Командир дивизиона кавалер ордена Красной Звезды майор Александр Минаев из Афгана выходил вместе со всем Ограниченным контингентом. Сердце терзали двойственные чувства. Как и у многих тогда.

Но разрывается душа:

Остался лишь какой-то шаг

Ступить до трапа по земле Афгана.

Так дай же, господи, мне сил

Проститься с тем, кого любил,

Оставить радость, боль и злость,

И все, что пережить пришлось

За серебристым фюзеляжем «Ана»...

Сколько помню, «Дядя Саша» - как уважительно Минаева называют даже те, кто старше его – всегда с диктофоном. На всех фестивалях, гастролях, в командировках в «горячие точки» ночи напролет, составив своеобразный график, заставляет записывать участников свои лучшие песни. Саша с особым трепетом относится к талантливым находкам в творчестве своих собратьев, прямо-таки влюблен в них. Минаев имеет какое-то особое чутье, поэтому, когда поет любимые песни, с бережной музыкальной обработкой, хочется слушать бесконечно и очень тянет подпеть. И снова ты, словно в кругу Игоря Морозова, Юрия Кирсанова, Виктора Верстакова, Виктора Третьякова, Виктора Трофимова. Даже когда до них - тысячи километров.

Минаев умеет учиться и делает это с наслаждением. Поэтому учится быстро. Если берется за что-то, то делу он отдает себя без остатка. Наверное, поэтому почти все задуманное у него получается

с первого раза. Как-то в Абхазию, где разгорелась гражданская война, не поехал изрядно струхнувший кинооператор, в свои руки камеру взял Александр, и снял свой первый документальный фильм. Потом работал на ВоенТВ, в передаче «Аты-баты...» на российском канале. Оставаясь страстным поклонником операторского дела. Это было видно, потому что везде, где позволяли обстоятельства, брал с собой камеру и снимал для себя. Точно также, как и пел он всегда прежде всего для себя.

Имея за плечами военно-техническое образование, в 1996 году поступил на службу в Центральную пограничную газету. Минаев кожей впитывал новое, и пусть вначале журналисткой сноровки порой не хватало, но во всем, что бы он не писал, проглядывало свое лицо, особая минаевская манера. Он работал, и результаты себя не заставили долго ждать. Вскоре он стал редактором отдела литературы и искусства, а через несколько лет – начальником студии военных писателей издательства «Границы».

И тут же принялся за сбор материала, поиск финансов, редактирование и организацию выпуска сборников лучших песен военных бардов. И обязательно, чтоб с нотами! Для этого с офицерской зарплаты долго откладывал деньги и купил себе компьютер, освоил программы музыкального редактирования и верстки. На сегодняшний день он может делать заявку в книгу рекордов Гиннеса: трудится над шестым сборником песен **военных** бардов, в каждой книге, понятно, серьезная доля афганской классики.

Еще одна характерная черта: если Минаев дружит, то друзья – на всю жизнь. Он общается с суворовцами, с которыми учился в Московской «кадетке», с друзьями-сокурсниками Полтавского высшего зенитно-ракетного училища, с афганцами, с которыми служил на той стороне, с тем, с кем встречался в Таджикистане, Владикавказе, в Аргунском ущелье...

В отпуски ездит на Камчатку, к собратьям-пограничникам, на Кольский полуостров, в Хакасию. Причем, всегда набирает ящички книг в издательстве, ворох кассет и дисков у своих друзей-бардов. И

еще одно событие в творчестве Александра Минаева, достижения, которым он, не скрывая, гордится: в 2001 году вместе с Виктором Трофимовым стал лауреатом первым самого крупного в мире фестиваля авторской песни – Грушинского, XXVIII по счету. Тогда впервые в истории фестиваля на палубу знаменитой грушинской гитары в ранге лауреатов ступили военные авторы-исполнители... Саша пел свою «Банечку». В ней ни слова нет об Афганистане. И все же и он и друзья по праву считают ее афганской.

Вот бы в банечку, в банечку,

В бане – венчком, венчком!

Да кваску чтобы баночку

Принесла ты в передничке...

Вдалеке перелесочек

Еле поля касается.

Мне бы в том перелесочке

Во грехах да покаяться,

Заманить к дому тученьки

Ночью вместе с зарницами.

Настежь ставни скрипучие

Распахнуть да умыться бы!..

В бытность 40-й армии на заставах Афгана бани ставились ничуть не хуже, чем на Родине, только вот березовые веники были в дефиците – мы привозили их из отпуска. Но песня вовсе не о бане! И умыться хочется не только лицо – сердце, распахнуть не только ставни – душу свою! И уже кажется единение со всем таким близким миром почти достигнуто, почти дотянулся лирический герой до своего самого заветного... Но оно остается все же недостижимым: и в начале, и в конце песни убегает, точно горизонт, прячась за малозаметное сослагательное наклонение «Вот бы...» Простым языком через исконные понятия автор поведал нам о

глубоком, сокровенном: недостижимой, поэтому немного грустной
и все-таки светлой мечте.